

На правах рукописи

Монгуш Чойгана Владимировна

**Обряды как отражение традиционных верований
тувинцев и хакасов в XIX – XX вв.**

07.00.07. - этнография, этнология и антропология

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Томск

2005

Работа выполнена на кафедре археологии, этнографии и исторического краеведения Института истории и права Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова.

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Виктор Яковлевич Бутанаев

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Садовой Александр Николаевич
кандидат исторических наук, доцент
Усманова Марьям Султановна

Ведущая организация: Тувинский институт гуманитарных исследований.

Защита состоится 10 июня 2005 г. в 15.00 ч. на заседании диссертационного совета К 212.267.01 при Томском государственном университете, по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина 36, третий корпус, ауд. 44.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета

Автореферат разослан « ___ » _____ 2005 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

Кандидат исторических наук, доцент

С.А.Некрылов

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ.

Тувинцы – тюркоязычное коренное население Республики Тыва (Тува) в составе Российской Федерации. На территории Тувы, расположенной в бассейне Верхнего Енисея (площадь 175, 5 тыс. км²), жителей более 311 тыс. человек¹. Из них тувинцев по данным Всероссийской переписи населения 2002 г., 243586 человек, что составляет 70 % от всего населения. Сегодня в этнографической науке выделяют две этнические группы: тувинцы (95 %) и тувинцы - тоджинцы (5 %).

Хакасы – тюркоязычное коренное население Республики Хакасия, территория ее (площадь 62 тыс. км²) расположена в пределах западной части Минусинской котловины, предгорий Саян и Кузнецкого Алатау. Численность их, по данным Всероссийской переписи населения 1989 г., составила 80,3 тыс. человек². К началу XX в. хакасы разделялись на четыре этнические группы: качинцы, сагайцы, кызыльцы, койбалы и фиксировались различия в культуре. Начиная с 20-х гг. XX в. и по сегодняшний день традиционная культура хакасов рассматривается как унифицированная. В политический и этнографический оборот термин «хакас» ввел этнограф С.Д. Мойнагашев. На II национальном съезде 20-30 июля 1917 г. по его инициативе было принято решение об образовании Союза «инородцев» Минусинского и Ачинского уездов под названием «хакас»³.

Диссертационное исследование выполнено по материалам обрядовой деятельности, которые отражают традиционные верования тувинцев и хакасов. Выделение этих народов как объекта этнографического исследования целесообразно по многим обстоятельствам.

Во-первых, тувинцы и хакасы входят в единую историко-культурную область Саяно-Алтайского нагорья, куда включаются в себя современные Республика Хакасия, Республика Тыва, Республика Горный Алтай, Горная Шория, Тофалария.

¹ История Тувы Под ред. С.И. Вайнштейна, М.Х. Маннай-оола. Т.1. 2-е Изд.- Новосибирск, 2001.- С. 3.

² Основные показатели социально-экономического развития национально-государственных образований // Краткий статистический справочник.- М.,1991.- С.4.

³ Государственный архив РХ (ГАРХ). - Ф. 204 .- Д. 1. - Л. 72, 84.

Во-вторых, тувинцы и хакасы относятся к южно-сибирскому антропологическому типу, что подтверждается исследованиями известных антропологов А.И. Ярхо и В.П. Алексеева⁴.

В-третьих, тувинцы и хакасы относятся к одному хозяйственно-культурному типу: тувинцы - кочевые скотоводы степных и горно-степных районов Центральной, Южной и Западной Тувы (95%), тувинцы–тоджинцы - кочевые охотники- оленеводы горно–таежных районов Восточной Тувы (5%)⁵. Охотники-олeneводы отличались не только хозяйственной деятельностью, но и многими этнографическими особенностями, поэтому исследование касается обрядовой практики тувинцев-степняков. Хакасы – кочевые скотоводы горно-степных районов (90 %), полукочевые охотники-скотоводы зоны тайги и подтаежных районов (10 %) ⁶ .

В-четвертых, тувинцев и хакасов связывает языковая общность, согласно классификации их языки относятся к уйгуро-огузской группе восточно-хуннской ветви тюркских языков.

В-пятых, тувинцы и хакасы имеют общую древнюю историю и близкое культурное наследие. Во времена Кыргызского государства (VI - XII вв.) территория проживания их предков входила в единое политическое образование и отмечается уйгуро – кыргызское влияние на материальную и духовную культуру. В монгольскую эпоху тувинцы и хакасы были включены в состав монгольской мировой державы, а после развала империи Юань (1368 г.), оказались в руках правителей государства Алтын-ханов и Джунгарского ханства. После определения границ, согласно Кяхтинскому миру в 1727 г., земли Хакасско-Минусинский края были включены в состав России, а Урянхайский край (современная Тува) оказался в пределах Цинской империи⁷. Несмотря на пограничную зону, саянские тюрки не порывали связей между собой.

Актуальность темы исследования. Известно, что верования и мировоззрение народа представляют доминантный пласт традиционной

⁴ Левин М.Г.. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока // Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо–Маклая. - Т. XXXVI: Труды Северо-Восточной экспедиции – М., 1958. – С.42.

⁵ Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. – М., 1972. – С.11.

⁶ Бутанаев В.Я. Этническая культура хакасов. – Абакан, 1998.- С.5.

культуры. Корни многих обычаев и обрядов у тувинцев и хакасов схожи. Это особенно важно сейчас, когда многие традиции исчезли или изменяются с развитием общества, когда многие народы восстанавливают утраченные обряды и обычаи. Современное решение проблем духовного возрождения народа невозможно представить без знаний о культурном наследии. К тому же приводимые дореволюционными учеными материалы фрагментарны и не дают полного представления об архаических верованиях тувинцев и хакасов. Незначительная современная этнографическая литература, характеризующая анимистические и тотемистические воззрения, родильные и погребально-поминальные обряды тувинцев и хакасов не дает достаточного представления об этой важной стороне традиционной культуры. Рассмотрение традиционных верований тувинцев и хакасов имеет значение для выявления взаимовлияний различных религиозно-культурных систем.

Территориальные рамки работы охватывают историко-культурную область Саянского нагорья: предсаянский край – расселение хакасских полукочевых скотоводческих субэтнических групп на территории современной Республики Хакасия; и засаянский край – расселение тувинских кочевых скотоводов горно-степных районов (95 % населения), полукочевых охотников-оленеводов (тувинцы-тоджинцы 5 %) на территории современной Республики Тыва⁸.

Хронологические рамки исследования охватывают период XIX и XX вв. Их нижняя грань совпадает с образованием Енисейской губернии и степных дум у хакасов (1822 г.) и началом появления первых этнографических сведений о тувинцах. Верхняя грань (конец XX в.) определена образованием республик Хакасия и Тыва (1991 г.), когда в связи с подъемом национального самосознания народы этих республик обратились к традиционным верованиям.

Объектом диссертационного исследования является традиционная культура двух родственных этносов - тувинцев и хакасов, объединенных общим историческим развитием, родственными традициями в духовной,

---

⁷ Маннай-оол М.Б. Тувинцы: происхождение и формирование этноса. – Новосибирск, 2004. - С.4.

⁸ Данные Тувинской сельскохозяйственной и демографической переписи 1931г. – М., 1933. – С.59; По данным Всероссийской переписи населения в 1959 г.: тувинцы составляли 97 996 чел., из них тувинцев – тоджинцев 4,4 тыс. человек. – М., 1960.

материальной и языковой сферах культуры. **Предметом** выступает обрядовая деятельность, отражающая традиционные верования тувинцев и хакасов.

Цель исследования – дать характеристику обрядам в хозяйственно-промысловой деятельности, семейных традициях и в отношениях с природой как отражающим традиционные верования тувинцев и хакасов. Достижение данной цели предполагает решение следующих конкретных **задач**:

- 1) представить обряды, связанные с воззрением на окружающую природу и семейно-бытовые традиции у тувинцев и хакасов;
- 2) выявить общее и особенное в традиционных верованиях тувинцев и хакасов на основе сравнительного анализа источников, архивных данных, полевых материалов;
- 3) внести в научный оборот новые этнографические материалы, собранные автором в этнографических экспедициях;
- 4) выявить обряды, сохранившие традиционную основу и этническую интерпретацию, и обряды, видоизмененные под воздействием новаций в системе жизнеобеспечения.

Теоретической и методологической основой диссертации послужили исследования зарубежных и отечественных этнографов по проблемам изучения традиционной культуры и ранних верований: Э. Тэйлора, Ю. П. Францева, Дж. Фрэзера, С.А. Токарева и др. В основу методологии диссертационного исследования положен утвердившийся в отечественной исторической науке принцип историзма, который предполагает подходить к изучению событий и явлений с точки зрения их исторического развития на всем временном протяжении и во всем их глобальном многообразии как в прошлом, так и в настоящем. Применительно к обрядовой практике тувинцев и хакасов это означает рассмотрение элементов обрядности с учетом их статики и динамики на протяжении определенного исторического периода.

Основные принципы исследования заданы несколькими методами. Во-первых, сравнительно-исторический метод: обрядность тувинцев и хакасов исследовалась с учетом определенного набора признаков (время и место проведения обряда, количество и состав участников, основные обрядовые действия, вещи, задействованные в обряде, интерпретация обряда его исполнителями) и выявления общего и особенного на их фоне в их

исторической последовательности. Во-вторых, системный метод: рассмотрение обряда как одной из главнейших составных традиционного мировоззрения и системы жизнеобеспечения. В-третьих, междисциплинарный подход: для выявления и интерпретации устойчивых и видоизмененных элементов обряда использовались данные смежных с этнографией дисциплин (лингвистика, фольклористика, археология, религиоведение). Избранная методика позволила выявить общее и особенное в традиционной культуре тувинцев и хакасов, всесторонне и комплексно осмыслить обрядовую деятельность в свете конкретно-исторических условий XIX – XX вв.

Степень изученности темы. Среди большого количества научной литературы по изучаемой проблеме можно выделить разные теоретические работы. В целом все накопившиеся работы представляют научную ценность, но прослеживается некоторая нечеткость в разграничении двух понятий «обряд» и «обычай».

Вопрос об определении понятия «обряд» и «обычай» в исторической науке предпринимался не раз. В работе И.В. Суханова «Обычаи, традиции, обряды» - обряд рассматривается как одна их составных частей обычая. «Обрядовая форма, - пишет автор, - возникает только тогда, когда все остальные составные части обычая, традиции уже более прочно утвердились в общественной или личной жизни»⁹. По мнению Д.М. Угриновича обряд отличается от обычая тем, «что он включает в себя не непосредственно целесообразные, а символические действия»¹⁰. Последнее конечно правильно, хотя на практике не всегда можно определить символическое ли перед нами действие. Концептуально обоснованным является определение С.А. Токарева, который «обряд» определяет как такую разновидность обычая, цель и смысл которой - выражение (по большей степени символическое) какой-то идеи, чувства, действия, либо замена непосредственного воздействия на предмет воображаемым (символическим) воздействием¹¹. Таким образом, всякий обряд – это тоже обычай, но такой, который обладает свойством выражать некую идею. Всякий обряд есть обычай, но не всякий обычай есть обряд. Обряды

---

⁹ Суханова И.В.. Обычаи, традиции, обряды. - Горький, 1973. – С. 22.

¹⁰ Угринович И.В. Обряды, за и против. - М., 1975. – С. 17

¹¹ Токарев С.А. Обычаи и обряды как объект этнографического исследования // Советская этнография. - 1980, - № 3. - С. 28.

бывают разные. В этнографической науке принято выделять религиозные и нерелигиозные обряды. В данном случае, обряды тувинцев и хакасов в хозяйственно-промысловой деятельности, семейных традициях и в отношениях с природой выступают как обычаи «обрядового» типа, отражающие традиционные верования.

Создатели классификационных схем в области истории религий не всегда дают ясный ответ на вопрос о том, что они классифицируют: существующие религиозно-философские системы, или религиозные верования отдельных народов, или элементы религиозных представлений и обрядов. Многие авторы пытались решить эту задачу как определение стадий в общем ходе развития религии: так, Огюст Конт делил всю историю религий на три стадии – фетишизм, политеизм, монотеизм¹². Джон Леббок – на семь стадий: атеизм, фетишизм, тотемизм, шаманизм, идолопоклонство, боги–творцы, благодетельные существа¹³. Подобные попытки, конечно, заслуживают серьезного внимания, ибо в них проявилось стремление к историзму, но грешат чрезмерным схематизмом. В марксистской науке давно установилось деление всех религий на два типа: религии доклассового строя и религия классовых обществ. Также в науке давно установилось деление религий на национальные и мировые. С.А. Токарев, вывел следующие формы религии - древнейшие: тотемизм, ведовство, знахарство, эротические обряды, погребальный культ; поздние религии: раннеплеменной и промысловый культ, семейно-родовой культ святынь и покровителей, семейно-родовой культ предков, шаманизм, культы личных духов-покровителей, тайных союзов, вождей, аграрные¹⁴.

Уже много раз в литературе указывалось на неясность термина «фетишизм»: одни называют фетишизмом почитание всех материальных предметов¹⁵, другие включают почитание неодушевленных предметов¹⁶. Фетишизм как определенный этап в развитии религии рассматривали Ю.П. Францев и А.Ф.Анисимов¹⁷. В отличие от них, С.А.Токарев считает фетишизм общим элементом любой религии, давая следующее определение: «фетишизм

¹² Конт О. Дух позитивной философии. - СПб., 1910. - С. 11.

¹³ Леббок Дж. Начало цивилизации. - СПб., 1876. - С. 150.

¹⁴ Токарев С.А. . Ранние формы религии. – М., 1990. – С. 50.

¹⁵ Шаревская Б.И. Старые и новые религии Тропической и Южной Африки. - М., 1964. – С. 171.

¹⁶ Итс Р.Ф. Введение в этнографию. - М., 1974. – С. 81.

религиозное почитание неодушевленных материальных предметов, которым приписываются сверхъестественные свойства»¹⁸. Теоретическое содержание фетишизма сводил к анимизму Д.К. Зеленин и определял его как одну из форм анимистических верований¹⁹.

Анимизмом принято называть веру в «духовные существа». Согласно Э.Б.Тейлору, вера в «духовные существа» первобытного человека постепенно развила другие более сложные представления: о душах животных, растений, неживых предметов, о душах умерших и др.²⁰ Но такая вера присуща любой религии - от самой примитивной до наиболее развитой, хотя степень выраженности анимистических верований неодинакова. Поэтому в современной этнографии анимизм рассматривается не в тейлоровской трактовке, а в трактовке Г.В. Плеханова, считавшего анимизм необходимым элементом любой религии и религиозных представлений²¹.

Слово «тотем» впервые попало в европейскую научную литературу в конце XVIII в. Одним из первых приблизился к правильному пониманию тотемистической проблемы С.П. Толстов, который указал, что для тотемизма чрезвычайно существенно «чувство связи» человеческой группы с «занимаемой ею территорией и производительными силами этой территории»²². Воззрения А.М. Золотарева на тотемистическую проблему имеют много общего с взглядами С.П. Толстова, утверждающего, что «тотемизм возник как первая форма понимания кровнородственных связей на основе экономики первобытной охоты и собирательства»²³. Многие советские этнографы, исследуя пережитки тотемизма у народов Сибири, в том числе и А.Н. Максимов, указывают на связь того или иного обряда, относящегося к животным, с определенной родовой группой²⁴. Взгляды Д.Е. Хайтуна, А.Ф. Анисимова, Д.К. Зеленина совпадают со взглядами вышеназванных

¹⁷ Францев Ю.П. У истоков религии и свободомыслия. - М., Л., 1959. - С. 69; Анисимов А.Ф. Этапы развития первобытной религии. - М., 1967. - С. 38.

¹⁸ Францев Ю.П. У истоков религии и свободомыслия. М.-Л., 1959. - с. 69; Анисимов А.Ф. Этапы развития первобытной религии. - М., 1967. - С. 35.

¹⁹ Зеленин Д.К. Идеологическое перенесение на диких животных социально-родовой организации людей // Известия АН СССР. - Отд. общ. наук. - 1934.- №4. - С. 403.

²⁰ Тейлор Э.Б. Первобытная культура. - М., 1989. - С. 312

²¹ Плеханов Г.В. Об атеизме и религии в истории общества и культуры. - М., 1977.

²² Толстов С.П. Проблемы дородового общества // Советская этнография. - 1931. - № 3-4. - С. 91.

²³ Золотарев А.М. Пережитки тотемизма у народов Сибири. - Л., 1934. - С. 6.

²⁴ Максимов А.Н. К вопросу о тотемизме у народов Сибири // Ученые записки Ин-та истории РАН ИОН. - 1928. - Т.7. - С. 4.

этнологов²⁵. Несколько отличный от большинства советских ученых взгляд на тотемизм высказывает Г.И. Семенов. Хотя он и соглашается с тем, что тотемизм – это «первая форма осознания единства групп людей», но тотемные табу и веру в тотемных предков рассматривает как вторичные и более поздние элементы тотемизма²⁶.

Термином «погребальный культ» принято обозначать совокупность религиозных обрядов, относящихся к умершим, и связанные с этими обрядами верования. Значительная роль погребального обряда в традиционных верованиях признавалась многими исследователями. Так, Г. Спенсер, Д. Толанд и Д. Пристли, считали погребальный культ одной из древнейших форм религии, рассматривали религиозные верования и обряды, как дальнейшее развитие верований, связанных с умершими²⁷. В современной науке преодолен односторонний взгляд на погребальный культ как на древнейшую форму религии²⁸.

Современное теоретическое осмысление традиционных верований тувинцев и хакасов невозможно без ценных работ предшественников в области этнографии, истории и языка. Впервые этнографические материалы о предаянском населении были получены при путешествии Д.Г. Мессершмидта в 1721 г.²⁹, а затем участниками II академической экспедиции в Сибирь 1733 г. - Г.Ф. Миллером, И.Г. Гmeliным и Я.И. Линденау³⁰. В 1771-1772 гг. Хакасско - Минусинский край стал объектом внимания участников академической экспедиции, которую возглавляли путешественники-натуралисты П.С. Паллас и И.Г. Георги; они собрали сведения по погребальному и промысловому культу³¹. Подытоживая данные по истории изучения этнографии тувинцев и хакасов за XVIII в., можно сказать, что это был период первых научных

²⁵ Хайтун Д.Е. Тотемизм, его сущность и происхождение. - Душанбе, 1956. - С.50, Анисимов А.Ф. Там же. - С. 54, Зеленин Д.К. Там же. - С. 49.

²⁶ Семенов Ю.И. Возникновение человеческого общества. - Красноярск, 1962. - С. 376, 478-479.

²⁷ Спенсер Г. Основания социологии. - СПб. - 1876.- Т.1. – С. 278; Толанд Дж. Избранные сочинения. - М., 1927. – С. 53; Пристли Дж. Избранные сочинения. - М., 1934. – С. 55.

²⁸ Токарев С.А. Ранние формы религии. - М., 1990. – С. 156; Семенов Ю.И. Возникновение человеческого общества. - Красноярск, 1962. - С. 376.

²⁹ Messerschmidt d. Y. Forschungsreise durch sibirien 1720-1727 – Berlin, 1962.

³⁰ Миллер Г. Ф. История Сибири. - М., Л., 1937. - Т.1., М.-Л.; 1941. - Т.2; Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII). – Магадан, 1983; Гмелин И.Г. Путешествие по Сибири. – Готтинген, 1751. - С. 347.

³¹ Паллас П. С. Путешествие по родным провинциям Российского государства.- СПб., 1786. ч.2.кн.2.; 1788. ч.3.кн.1; Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, верований, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопримечательностей. - СПб., 1777. - Ч. 3.

наблюдений, выполненных благодаря академическим экспедициям российских исследователей. В целом, обычаи и обряды обоих народов мало привлекали внимание первых исследователей.

Некоторые материалы по традиционной культуре содержатся в материалах Г. Спасского, А. Степанова, И. Пестова, И. Корнилова, Н. Щукина, Н. Кострова, но традиционные верования не стали предметом их научного исследования³². С организацией в 1845 г. Русского географического общества (РГО) усилилось изучение народов Сибири. В 70-е годы XIX в. благодаря активизации внешней политики России на Востоке создались предпосылки для расширения научных исследований. Известный путешественник Г.Н. Потанин в результате организованных РГО монгольской экспедиции (1876—1877гг.) зафиксировал сходство обряда поклонения огню и посвящения животного у урянхайцев и дорбетов (монголов)³³.

Наибольший интерес для нашего исследования имеют отчеты хакасского ученого Н.Ф.Катанова о поездках в Минусинский уезд и Урянхайский край (Тува), где находим ценные данные о верованиях этнических групп хакасов и описания тотемистических верований тувинцев, связанных с медвежьим культом³⁴. С 1894-1897 гг. по поручению Российской академии наук в Хакасии и Туве побывал сибиревед П.Е. Островских³⁵.

С деятельностью Минусинского музея связана публикация целой серии работ политических ссыльных (Д.А. Клеменец, Ф.Я. Кон, П.Н. Аргунов, Е.Я. Яковлев). Характеристика их научно-культурной деятельности была дана в

³²Пестов И. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 года. - М.,1883; Степанов А.П. Енисейская губерния. - СПб, 1835 - Ч.1-2, Щукин Н.С. Народы тюркского языка, обитающие в Южной Ситбири.// Журнал Министерства внутренних дел. - СПб, 1847. - Ч.18. - С.255-284; Спасский Г.И. Народы, кочующие в верховьях реки Енисей// Сибирский вестник. - СПб.1818. - Ч.1. - С. 87-114 - СПб, 1819. - Ч. 5. - С. 1-14; Костров Н.А. Очерки быта Минусинских татар // Труды IV археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877. - Казань,1884. - Т.1. - С.208-248.

³³Потанин Г.Н. Очерки Северо- Западной Монголии. - СПб., 1883. - Ч. 3. - С. 13.

³⁴Катанов Н.Ф. Сагайские татары Минусинского округа Енисейской губернии. //Живая старина.1893.-Т.3.- Вып.4.-с.559-570;Он же. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. - СПб., 1907. - Ч.9; Он же. Отчет о поездке, совершенной в Минусинский округ Енисейской губернии.// Уч.Зап.Казанского университета. - Казань, 1897. - Кн.3. - С. 1-50;Он же. Опыт исследования урянхайского языка. - Казань,1903; Он же. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н.Ф. Катановым. - Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В Радловым. - СПб. - Т. IX., 1907; Он же. Предания предаянских племен о прежних делах и людях // Записки РГО по отд. этнографии. - Т. 34, - 1909.

³⁵Островских П.Е. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края (Отчет о поездке 1894г.)// Живая старина. - СПб., 1895. - Т. 5. - Вып.3-4.; Он же. Краткий отчет о поездке в Тоджинский кошун урянхайской земли. - ИРГО. - Т.ХХХIV. - Вып.4, - 1898; Он же. Оленные тувинцы.//Северная Азия,1927 - № 5-6; Значение Урянхайской земли для Южной Сибири. - ИРГО. - Т. ХХХV - Вып. III, 1899. - С. 293.

работе Ф.Я. Кона «Исторический очерк Минусинского музея за 25 лет»³⁶. Ф.Я. Кон, анализируя олицетворение сил и явлений природы и связанные с ним жертвоприношения тувинцев и хакасов, пришел к выводу о близости этнической культуры обоих народов³⁷.

В 1921 г. в результате победы национально-освободительной революции создается дружественная СССР Тувинская Народная Республика. Тувинская проблематика привлекала большое внимание ученых, вызванное особенностями некапиталистического развития Тувы. Так, Г.Е. Грумм-Гржимайло отметил, что «новые боги не заменили им старых, но заняли лишь место наряду с ними, и сойот все еще продолжает чувствовать себя во власти старых духов»³⁸.

Несомненные заслуги в научном изучении историко-культурных традиций Сибири принадлежат представителям областнического течения - Н.Г. Потанину, Н.М. Ядринцеву, А.В. Адрианову, Н.Н. Козьмину³⁹. Несколько бесспорно ценных статей о духовной культуре своего народа написал первый хакасский этнограф С.Д. Мойнагашев⁴⁰. Краеведческий профиль изучения, описательный подход при сравнительно слабом осмыслении этнокультурных процессов характеризуют дооктябрьской историографии Тувы и Хакасии.

Советская историография этнокультурной истории народов Сибири - это новый этап разработки темы в источниковедческом, концептуальном и методологическом планах. Научное исследование проблемы проходило в крайне неоднозначных и противоречивых условиях. Происходила абсолютизация исторической роли базисных явлений и недооценка самостоятельного значения духовной культуры отдельных народов.

В первые десятилетия Советской власти Хакасия и Урянхайский край не стали объектом пристального изучения профессиональных этнографов, хотя

³⁶Кон Ф.Я. Исторический очерк Минусинского уезда за 25 лет 1877 – 1902 гг. – Казань, 1902.

³⁷Кон Ф.Я. Экспедиция в Сойотию за пятьдесят лет. - М.,1934. - Т.3.

³⁸Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Описание природы этих стран.–СПб. - Т.1.,1914; Он же. Западная Монголия и Урянхайский край. Антропологический и этнографический очерк этих стран. - Т.III - Вып.1. – Л.,1926; Он же. Западная Монголия и Урянхайский край. Антропологический и этнографический очерк этих стран. Торговля и колонизаторская в них деятельность китайцев и русских. Дополнения и поправки. - Т.III - Вып.2. – Л.,1930.

³⁹Адрианов А.В. Очерки Минусинского края. – Томск, 1904.

⁴⁰Мойнагашев С.Д. Загробная жизнь по представлениям турецких племен Минусинского края.//Живая страна,1915. – Петроград,1916. – С. 277-292; Он же. Из материалов по шаманизму сагайцев и соседних племен. Живая страна, 1915. – Петроград.- Вып. 3-4 - 1913 и др.

полевые материалы собирались музеями Ленинграда и Томска. Этнографией тюркских народов Саяно-Алтая занималась талантливый ленинградский ученый Н.П. Дыренкова (1920 - 1930 гг.)⁴¹.

В период с 1940-1950 гг. создаются региональные научные центры - Хакасский и Тувинский научно-исследовательские институты языка, литературы и истории, благодаря которым началось изучение этнографии тувинцев и хакасов силами национальных кадров. Большую работу по сбору и обработке первого этнографического материала в Хак.НИИЯЛИ проделали Ю.А. Шибаетаева и К.М. Патачаков⁴². С 1957 г. в Туве начала работу Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция Института этнографии АН СССР. В работе экспедиции приняли участие Л.П. Потапов⁴³, С.И. Вайнштейн⁴⁴, А.Д. Грач, В.П. Дьяконова⁴⁵, П.И. Каралькин. Результаты исследования опубликованы в работе «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР» (Л., 1960-1966). Несомненны их заслуги в изучении материальной и духовной культуры тувинцев.

Одним из плодотворных итогов деятельности томских и новосибирских ученых по изучению народов Саяно - Алтая явилась коллективная монография Э.Л. Львовой, М.С. Усмановой, А.М. Сагалаева, Л.Г. Октябрьской в трех книгах «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири»⁴⁶.

Под руководством члена-корреспондента РАН А.Б. Соктоева издается 60-томная серия «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», в которой по четыре тома посвящены хакасам и тувинцам. В состав авторского

⁴¹ Дыренкова Н.П. Умай в культуре турецких племен//Культура и письменность Востока. – Баку, 1928. - Кн.3.-С. 134-139.

⁴² Шибаетаева Ю.А. Одежда хакасов. – Сталинабад, 1959; Патачаков К.М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII–XIX вв.). - Абакан, 1958;

⁴³ Потапов Н.П. Происхождение и формирование хакасской народности. - Абакан, 1957; Он же. Работа Саяно-Алтайской экспедиции в 1952 г. – КСИЭ, XX, 1954; Он же. Очерки народного быта тувинцев. – М., 1969.

⁴⁴ Вайнштейн С.И. Очерк этногенеза тувинцев.//Ученые записки ТНИИЯЛИ. - Вып. 5. – Кызыл, 1957; Некоторые вопросы этнической истории тувинцев–тоджинцев// Советская этнография, 1959. - № 6; Тувинцы – тоджинцы.. – М., 1961.

⁴⁵ Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев. – Л., 1975

⁴⁶ Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. – Новосибирск, 1988; Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек – общество. – Новосибирск, 1989; Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. - Новосибирск, 1990

коллектива входит тувинский ученый, исследовательница тувинской филологии З. Б. Самдан⁴⁷.

На современном этапе немалую роль в изучение этнической истории и культуры хакасов вносит доктор исторических наук В.Я. Бутанаев. На основе полевых материалов, собранных в результате этнографических экспедиций и отдельных поездок с 1972 г. по сегодняшний день, им была разработана и развита концептуальная база исследования истории и культуры древних тюрков. Среди работ последних лет следует выделить «Этническую культуру хакасов», где дается обстоятельный анализ материальной и духовной культуры хакасов⁴⁸.

Ценные источниковедческие данные по верованиям тувинцев имеют материалы, изданные знаменитым шамановедом, доктором исторических наук, М.Б. Кенин-Лопсаном. В его работах представлен богатый этнографический материал по обрядовой практике шаманов в Туве⁴⁹.

К числу последних научных исследований по истории Тувы можно отнести монографию известного археолога М.Х. Маннай-оола «Тувинцы: происхождение и формирование этноса», где изучено происхождение и развитие тувинцев в единстве с тюрко-язычными народами⁵⁰. Монография «Тувинцы в своем фольклоре» стала результатом многолетнего научного труда Г.Н. Курбатского, где на основе устного народного творчества рассмотрены медвежий культ и семейно-бытовые обряды традиционного тувинского общества⁵¹. К последним исследованиям по этнографии Тувы относится диссертационная работа Е.В. Айыжы «Тувинцы Монголии: традиции и современность». Автор констатирует конфессиональный характер семейно-бытовой обрядности двух народов⁵².

⁴⁷Самдан З.Б. Художественное осмысление взаимоотношений человека и природы в тувинском фольклоре //Исследования по тувинской филологии. - Кызыл,1986. - С. 118-128.

⁴⁸Бутанаев В.Я. Этническая культура хакасов.- Абакан, 1998. Традиционная культура и быт хакасов. - Абакан. 1996; Он же, Худяков Ю. С. История енисейских кыргызов. - Абакан, 2000; Он же. Социально-экономическая история Хонгороя (Хакасии) в начале XIX – XX вв.- Абакан, 2002;Он же. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая.- Абакан, 2003; Он же Степные законы Хонгорая. – Абакан, 2004.

⁴⁹Кенин-Лопсан М. Б. Тыва чоннун бурунгу ужурлары. - Кызыл, 1994; Он же. Алгыши тувинских шаманов.- Кызыл.1995. - Т. 1; Он же. Мифы тувинских шаманов. - Кызыл,2002. - Т.2.

⁵⁰Маннай-оол М.Х. Тувинцы: происхождение и формирование этноса.– Новосибирск, 2004.

⁵¹Курбатский Г.Н. Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). - Кызыл, 2001

⁵² Айыжы Е.В. Тувинцы Монголии: традиции и современность: Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук.- М., 2002.

Итак, несмотря на относительно большое количество работ, ранние верования тувинцев и хакасов не являлись объектом специального научного исследования; для работ до середины XX в. характерен описательный, отрывочный характер. В современных работах фрагментно представлены исследуемые обряды и почти не затронуты вопросы семейно-родовых оберегов. В связи с этим очевидна необходимость дальнейшего исследования обычаев и обрядовой практики тувинцев и на основе новых источников и методологических принципов.

Источниковую базу исследования составляют этнографические, исторические, фольклорные, лингвистические источники. В первую очередь, это полевые этнографические материалы автора, собираемые в течение пяти лет (1998–2004 гг.) в различных районах Тувы и Хакасии (под руководством профессора В.Я. Бутанаева) по изучению этнокультурных связей обоих народов. В 1999 г. автор участвовала в работе международной этнографической экспедиции в Северной Монголии, где собирался материал в Убсу-Нурском и Кобдосском аймаках. Совершены самостоятельные этнографические поездки. Применен комплекс различных видов полевой деятельности: проводился опрос, чаще на тувинском языке; велось личное стороннее наблюдение; имело место участие в обрядах. Отбор материала происходил в результате перекрестных опросов многочисленных информаторов. На всех этапах сбора полевого материала применялись различные методы фиксации: фотографирование, аудиозапись. Источниковая база исследования обогащена за счет языкового материала: проработаны доступные тюркские словари⁵³, в полевых условиях записаны этнографические термины. Изучены коллекции Тувинского и Хакасского республиканского краеведческого музея, Минусинского краеведческого музея. Обнаружены давно исчезнувшие предметы религиозно-бытовой практики.

Используются архивные материалы, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Проработаны документы из архива Государственного музея этнографии, архива Музея антропологии и

---

⁵³Большой академический монгольско-русский словарь.- Т.1-4. - М., 2001-2002; Бурятско -русский словарь.-М., 1973; Бутанаев В.Я. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. - Абакан,1995; Он же. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. - Абакан, 1999; Тувинско-русский словарь. – Кызыл, 1970,

этнографии РАН (АМАЭ), Центрального Государственного архива Республики Хакасии (ЦГА РХ) и Республики Тыва (ЦГА РТ), Минусинского филиала Государственного архива Красноярского края, а также рукописных отделов Центральной библиотеки имени В. И. Ленина, Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, Тувинского научно-исследовательского института, Тувинского краеведческого музея, Лаборатории этнографии научно-исследовательской части Хакасского государственного университета.

Комплексно используя всю совокупность источников, мы придаем особое значение, во-первых, исторической памяти народа, наиболее полно отраженной в языке, фольклоре, а во-вторых, традиционным элементам религиозно-этнической культуры.

Научная новизна. Черты архаических обрядов тувинцев изучены недостаточно. В предлагаемой работе впервые предпринята попытка выяснить степень общности и различий в религиозно-обрядовой практике двух родственных этносов – тувинцев и хакасов - на базе новых достижений этнографической науки и полевых материалов автора. Вводятся в научный оборот новые полевые этнографические материалы, которые в целом представляют комплекс традиционных верований тувинцев и хакасов, существовавших у обоих народов в XIX - XX вв. Автором впервые зафиксированы и описаны некоторые ранее неизвестные и общие для обоих народов обычаи: «уча», «шогурер», чайыглаар, общее представление о духе-хозяине воды «кель-буга», настоящее исследование предпринято впервые.

Практическая значимость работы состоит в том, что материалы и результаты диссертации могут быть использованы исследователями при подготовке научных трудов по истории религии, духовной культуре и этнографии народов Тувы и Хакасии. Положения диссертационного труда находят применение при подготовке университетских курсов по истории и культуре Тувы и Хакасии, также при подготовке краеведческих работ в школах; также в музейной работе при формировании новых отделов в этнографической

экспозиции и пополнении существующих. Выводы диссертации, безусловно, представляют интерес для работников администрации, работающих по национальным проблемам.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ.

Во введении обоснована актуальность темы, изложены теоретико-методические основы работы, определены цель и задачи, объект и предмет исследования, а также даны историографический обзор и характеристика источниковой базы диссертации. Кроме того, обоснованы хронологические и территориальные рамки исследования, указываются научная новизна и практическая значимость работы.

В первой главе, состоящей из трех параграфов, описываются **обычаи и традиции тувинцев и хакасов, связанные с воззрениями на окружающий мир. Первый параграф «Духи-хозяева окружающей природы».** Анимистические воззрения тувинцев и хакасов представлены образами духов-хозяев *ээзи*, олицетворяющих различные объекты и явления природы. Так, согласно их представлениям, человека на земле окружал обширный мир невидимых духов-хозяев, стерегущих его благополучие и счастье. Самым большим почитанием пользовались горные духи-хозяева *даг ээзи* (хак. *таг ээзи*). Представления о *даг ээзи* были антропоморфными, и в то же время в мифах можно найти сюжеты превращения их в различных животных. Это связано с представлением о принадлежности всех животных тайги духу-хозяину *даг ээзи*. Поэтому охотничий промысел тувинцев и хакасов сопровождался от начала до конца обрядами почитания горных духов *даг ээзи*. По народным традициям, в тайгу специально берут сказочников для удачной охоты, ибо горные хозяева любят слушать горловое пение. Еще в начале XX в., хакасы музыкальный инструмент *хомус* изготавливали в тайге. Некоторые горные вершины отождествлялись с родовыми местами, откуда ведут свои жизненные корни рода. Так, у тувинского рода Донгак – гора Дус-Даг, у хакасского сеока сайын таковой считалась гора Талбырт. До сегодняшнего дня родовым горам систематически совершают жертвоприношения *даг дагыыр*

(хак. *таг тайыг*). Поклонение совершалось в виде кормления *чажыг* (кропления молоком или молочной водкой), ритуального повязывания ленточек *чалама*. Существовали правила поведения в тайге: запрещалось хвастать, удивляться успеху других. Описан хакасский обычай *хазынас*, запрещающий называть вещи своими именами, который особо строго соблюдался при охоте на соболя, оленя, кабаргу.

Среди тувинцев и хакасов существовало общее представление по отношению о речных духах в виде дородных женщин с распущенными волосами. Они часто, якобы, сидят на берегу реки и расчесывают волосы. Считалось нашедший гребешок *суг ээзи* станет счастливым.

Духи-хозяева озер у тувинцев и хакасов представлялись в виде мифических быков *кель-буга*. Они на «красный вечер» выходят к камышовым берегам, от раската их громового голоса коровы становились стельными. На территории Тувы находится озеро Сут-Холь, духом-хозяином которого считается мифический бык *кель-буга*. С мифологией связано название озера. По одной из версий, рядом с озером отличные пастбища и в летнее время, когда пригоняли стада, от рева духа-хозяина озера *кель-буга* стельными становились все коровы, после чего у них появлялось много молока. По другой легенде, на берегу Сут-Холя жила старуха-колдунья, которая сливала молоко в озеро. Подобные варианты встречаются среди названий озер Хакасии, например, озеро Айран-Кель получило свое название из-за того, что женщины из рода туматов ленились перегонять *айран* на *араку* и выливали его в озеро. Также в Туве древние оросительные каналы носят названия *буга* (т.е. бык), поэтому ежегодные жертвоприношения носят название *буга дагыыр* (т.е. жертвоприношение быку). Вероятно, это связано с представлением о духе-хозяине *кель-буга*.

В Хакасии источники с живой водой называют *миндаш-суг* (т.е. вечная вода), а в Туве лечебные источники называются *аржаан*. Следует отметить, что хакасы выделяли духа-хозяина ветра *Чилдей-хаан*, духа-хозяина дождя *Обыр Чабыр*, в отличие от тувинцев, которые не персонифицировали природные явления. Имеются и общие обряды: для вызова ветра начинали свистеть, для прекращения дождя в него бросали нож или топор.

Во втором параграфе «Обычаи, связанные с демонологические представлениями» представлен пантеон невидимых злых духов. Невидимая отрицательная сила, негативно влияющая и дурно действующая на людей и животных, носит собирательное название *аза* (хак. *айна, ынчых*). *Аза* пожирает жизнь людей, приносит болезни и толкает на плохие поступки. Нечистая сила *аза* движется по своим путям *аза-оруу* (хак. *айна-чолы*) в виде вихря *казырга*, который можно отогнать, плюнув в него три раза через левое плечо, иначе *аза* похитит душу человека. По представлениям тувинцев и хакасов, дороги имеют три колеи: две от колес и одна посередине. Левая сторона и середина дороги принадлежат нечистой силе, поэтому с «красного вечера» запрещалось ходить посередине дороги.

Черные бесы, живущие в пустом месте, у хакасов имеют название *салдыма*. Происхождение их связывали с душой умершего в юрте человека или нечистой силой. По обычаю хакасов запрещалось брать вещи из дома, где скончался хозяин, иначе можно принести домой нечисть *салдыма*. Нечистая сила, толкающая людей на самоубийство через повешение, у хакасов имеет название *поончах*. Якобы, красным вечером, являясь в образе женщины, одетой в хакасскую шубу с красной каймой и держащей в руках аркан, она предлагала свои услуги.

Демоническое существо *бук* (хак. *пух*) боится домашнего света и наносит вред детям, поэтому запрещалось детям ночью смотреть в окно. В отличие от хакасов, тувинцы отмечают способность *бука* перевоплощаться во всякого рода животных и птиц (волк, собака, филин и др.). Невидимый дух, голос которого обращен к человеку называется *хей ун* (хак. *чил-аас*) – букв. пустой. *Хей ун* обычно в ветреную погоду зовет имя человека, пытаясь забрать душу человека.

Мифические персонажи *албыс* (хак. *хуу хат* – дочери семи *эрликов*) имели общий образ: медный нос, оловянные глаза, светлые волосы, пышные груди и в отличие от других злых духов, имели способность перевоплощаться – перед мужчинами представляли в облике женщины и наоборот. *Албысы* доводили человека до сумашествия *албыстаар*.

Нечистая сила боится режущих предметов (нож, ножницы, топор) и колючих кустарников (боярышник, караганник, шиповник, крыжовник). В

целом, демонологические представления тувинцев и хакасов имеют локальные различия.

В третьем параграфе «Древний обычай *уча*» дополнены скудные материалы по архаическому обычаю *уча* (букв. курдюк или задняя часть туши) у тувинцев и хакасов престижному распределению добычи. Сущность обычая *уча* заключалась в распределении части добычи своим соплеменникам, в противном случае духи-хозяева *даг-ээзи* могли рассердиться и не дать удачи в следующей охоте. По данным С.И.Вайнштейна у тувинцев-тоджинцев, живущих в Восточных Саянах, содержание данного обычая сводилось к следующему: 1) если охотник убил копытное животное, но не успел погрузить мясо на оленя или лошадь, то он отдавал подошедшему заднюю часть туши (*ужа*), шкуру (*кеш*) и одну ногу (*бут*); 2) если убил соболя – получал половину; 3) росомуху – отдавал хвост; 4) медведя – отдавал желчь; 5) если на расстеленную шкуру косули подошедший бросает шепотку земли, то охотник должен поделиться мясом; 6) если охотник вернувшись с охоты застал чужого человека в чуме, то тот крикнув *уча* мог получить половину добычи⁵⁴.

В XX в., в связи с распространением товарно-денежных отношений, обычай видоизменился – охотники стали делиться только с теми, кто стал свидетелем охоты.

Курдюк *ужа* традиционно у тувинцев и хакасов считается почетным блюдом и преподносится на застолье в любое празднество, кроме похорон. На тувинскую свадьбу жених обязан был привезти от 10 до 20 *ужа*. У хакасов бытовали праздничные застолья (*уча саларга*) под названием *уча*, заднюю часть туши животного преподносили людям в качестве дара. Хозяева обязаны были разделить сало курдюка между всеми участниками застолья. На северной женской стороне от дверей юрты – *ипчилер учазы* и в южной мужской – *ирлер учазы*. Дар, наделенный в виде части отрезанного мяса или сала от *уча* у обоих народов носит название *сартык*. В *сартык* идет не только мясо, но и молочная водка арака.

Вторую главу «Домашние покровители и магическая защита» составляют три параграфа. В первом из них «Семейно-родовые обереги»

⁵⁴ Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. - М., 1961. - С. 129.

характеризуются семейно-родовые фетиши тувинцев и хакасов, называемые *ээрены* (хак. *тес*). Семейные и родовые *ээрены-теси* устанавливались в каждой юрте, являлись предметом поклонения простых скотоводов и считались оберегом хозяев. Одни из них имели антропоморфные, другие – зооморфные изображения. Каждый фетиш «требовал» индивидуального подхода и особой пищи. По подсчетам исследователей в XIX- начале XX вв. у тувинцев насчитывалось от 20 до 30 *ээренов-тесей*, но на самом деле их было меньше - от 3 до 10 (некоторые *ээрены-теси* имели по несколько названий).

Семейно-родовые *ээрены-теси* в зависимости от локализации на разных сторонах юрты и функциональному назначению делились на мужские и женские. *Ээрены-теси* мужской половины также назывались *улуг ээрены-теси*, т.е. великие фетиши. Изготавливали их мужчины. К их числу относятся: *ак ээрен-ах тес*, *кодан ээрен-хозан тес*, *чуглуг ээрен-хус тес*, *улуг ээрен-ымай тес*, *ас ээрен-ас тес*, *адыг ээрен-аба тес*, *хой ээрен*, *кыргыз ээрен*, *салыг тес*, *сыбы тес*, *хызыл тес*, *кинен тес*, *чаза тес*, *хээк ээрен*, *эзир ээрен*. *Ээрены-теси* женской половины юрты были хранителями домашнего благополучия, стражем здоровья женщин и детей. Это: *эмегелчи ээрен-хазай тес*, *казай ээрен-хазай тес*, *морзук ээрен-кузен тес*, *чылан ээрен-чылан тес*, *дилги ээрен-тулбек тес*, *тайым тес*, *шалбы тес*, *ир тилег тес*.

Для ритуального кормления применялась никем не пробованная молочная водка *арака* или молоко белой коровы. В случае смерти хозяина жилища *ээрены-теси* специально хоронили, сплавляя по реке на миниатюрном плоту, укладывая их ногами вверх по течению. Обряд сплавления носил название *тинедерге* (букв. отправить на ночлег). Также хоронили *ээрены-тесей*, если не хотели их держать или заменяли новыми.

Во втором параграфе «Огненная защита дома» охарактеризованы архаические обычаи и обряды, связанные с поклонением огню. Тувинцы и хакасы обожествляли огненную стихию и величали духа-хозяина «мать огня» (хак. *от ине*) или «дева хозяйка огня» (тув. *от ээзи кыс кижси*). Дух-хозяйка *От ээзи-от ине* представляется в образе полной и доброй старушки у хорошего хозяина юрты, и злой и худой у плохого. Кроме того, ее облик якобы меняется: при новолунии и вечером она бывает прекрасной девой, а на старом месяце и

вечером – старушка. По сведениям информаторов *от ээзи-от ине* не только хранительница домашнего очага, но и оберег каждого члена семьи, поэтому ее называют *от буячы* (хак. *от уячы*).

Особого внимания заслуживает представление тувинцев и хакасов об огне, который ассоциируется с женским существом. Аналогичные представления огня в виде женщины-хозяйки отмечены исследователями у многих народов: у хантов В.М. Кулемзин⁵⁵, у монголо-язычных бурят Г.Р. Галданова⁵⁶. Для сохранения благополучия семьи бытует обычай ежедневного кормления огня. Если готовилось мясо забитого животного, то обряд кормления огня совершал хозяин. Отмечены ежегодные обряды моления духу огня *от дагыр* осенью (август-октябрь) у тувинцев и *от тайги* на девятый день новолуния весной у хакасов. Существовали особые запреты для сохранения чистоты огня.

В третьем параграфе «Сохранение домашнего счастья» отмечены различные виды магических обычаев и обрядов, совершаемые для сохранения семейного счастья. Для понятия счастья применялись различные слова, каждое из которых заключало в себе особый сакральный смысл. Например: тув. *аас-кежик*, хак. *ырыс* - счастье; тув. *олча-кежик* – удача, хак. *арбыс*; тув. *салым чол* – судьба, участь, хак. *хут-хубай* и др.

Домашние животные представляют главное богатство и счастье скотоводов Саян. Самым почитаемым животным считается лошадь. В каждом хозяйстве выбирались животные особой масти под названием - *ыдык* (хак. *ызых*). *Ыдыки* выполняют охранительные функции по отношению к стаду своего хозяина. Они оберегают скот и семью кочевника от болезней, способствовали увеличению приплода.

На Саяно-Алтай изредка залетают розовые фламинго (тув. *кыткылык*, хак. *хысхылых*), которые относились к разряду проклинающих птиц. Увидеть их весной почитали за счастье, осенью - к беде. Среди хакасов существовал древний обычай дарения фламинго для сватовства невесты. Среди тувинцев находится род *куулар* (букв. лебеди), тотемной птицей которых выступал

⁵⁵ Человек и природа в верованиях хантов. - Томск, 1984.

⁵⁶ Доламаистские верования бурят. - Новосибирск, 1987.

лебедь. В старину среди этого рода бытовал обычай дарить убитого лебедя при сватании невесты. Тувинцы называли ее священной *ыдыктыг куу куш*. Осенью запрещалось стрелять лебедей, иначе случится несчастье, а весной и летом разрешалось. Также бытовал древний обычай, согласно которого взамен преподнесенного в подарок лебедя охотнику богатый родственник по жене дарил коня.

Голос ворона *кускун* (хак. *хусхун*) предвещает гибель. Встреча с сорокой *саасхан* не предвещала ничего хорошего. К ясновидящим птицам относили зимородка (сагайски *суг ирсеги*- букв. речная развратница, тув. *эрзек-кара*- букв. развратная чернота). Считалось, что перья зимородки обладают магическими свойствами, используемыми в промысловом и семейно-бытовом колдовстве.

Третья глава «Родильные и погребально-поминальные обряды» включает три параграфа. В первом **«Обряды, связанные с рождением ребенка»** охарактеризованы обряды и обычаи, связанные с беременностью, родами и последующим воспитанием детей.

Месячные очищения крови у женщин по-тувински *ай демдээ* (хак. *кип корерге* - букв. видеть грязь). Беременность определяли по прекращению месячных. Во время беременности для женщины существовали особые запреты. Когда начинались родовые схватки, вызывали повитуху (тув. *тудугжу кадай*, хак. *инейчи*). Тувинские и хакасские женщины рожали стоя на коленях за очагом на женской половине юрты, держась за березовую жердь. Сразу же после разрешения от бремени роженице давали специально приготовленный бульон *кара мун* и окуривали можжевельником *артыш*. Приняв младенца, повитуха ждала выхода последа (тув. *уруг сыртыы*, хак. *пала инези*). Затем, отмерив ширину двух пальцев от живота, повитуха перевязывала пуповину шелковой ниткой и, немного отступив, ее перерезала на березовой палочке. Повивальную бабку тувинцы называли *хин-авай* и ее считали второй матерью. После принятия ребенка она купала новорожденного в крепко заваренном чае четыре раза и один раз смазывала топленным маслом пах, подмышки и глаза.

Целый ряд обычаев был связан с охраной здоровья и попытками «защиты» детей от злых духов. В колыбель в качестве амулета привязывали лук со стрелой, коготь медведя, под пеленки подкладывали нож и ножницы. Для того чтобы обмануть злого духа, придумывали различные прозвища. Особо следует отметить, что и сегодня тувинцы отпавшую пуповину ребенка высушивают и помещают в специальный мешок из шелковой ткани, называемой *хири хавы*.

Второй параграф «Погребальные обычаи». Тюрки Саянского нагорья представляли, что смерть человека наступает из-за того, что неведомая сила обрывает его душу— *тын* (букв., дыхание). Прямо говорить о смерти запрещалось обычаем. Тувинцы и хакасы использовали различные иносказания, как, например: *багай апарды* (хак. *алартах хаап парган*) - случилось плохое; *шыдашпайн барды* (хак. *ыдаспады*) - не выдержал; *чок болду* (хак. *чох пол парды*) - не стало и др. Издавна применяется еще одно словосочетание: *кызыл дустай берген* (хак. *хызыл тус тартар г а парыбыстыр*)- букв. ушел за красной солью. В Туве сохранились исторические рассказы, объясняющие смысл указанного выражения. Дело в том, что в монгольскую эпоху на Саяно-Алтае добывали каменную соль только на горе Дус-Даг, где Тува граничит с Монголией. Место залежей каменной соли располагалось очень далеко, а промысел был нелегким и опасным. В Хакасии и Туве существовали промысловики - *дусчу*, отправлявшиеся в этот далекий и рискованный путь. Многие из них не возвращались домой. С этих пор, когда человек умирает, тувинцы и хакасы говорят: *кызыл дустай берген*. В хакасских преданиях сохранилось упоминание о красной соли Тувы. До сих пор каменную соль хакасы называют *соян тузы* - тувинская соль.

Покойного одевали в самую лучшую одежду. Не обряжали в новый костюм, так как он якобы «не пристанет к телу». После смерти человека совершали обряд разрезания платья покойного, дабы освободить душу *хут*. Обряд разрезания одежды в хакасском языке имел специальный термин *кендеп*. В языке тувинцев под словом *хендеп* понимается ламаистский способ

погребения. Покойницу помещали с женской стороны головой на юг, а покойника с мужской стороны головой - на запад.

Гроб (тув. *хомду*, хак. *хомды*) изготавливали коллективно, не допуская участия родных покойного. Вместе с умершим в гроб кладется до девяти штук различной одежды, называемой *чага*. На почетном месте рядом с гробом устанавливается стол для продуктов покойному, называемый *хом столы* (букв. стол печали). На нем же стоит и чаша для сжигания пищи. В день погребения и во время поминок еда с этого стола берется на кладбище.

Традиционные кладбища (тув. *чевег*, хак. *сыырат*) располагались на возвышенных местах, вдали от пашен и покосов. Кладбище считалось запретным местом и поэтому носило название *хорыг*. Детей в возрасте до семи лет хоронили отдельно от взрослых на детских кладбищах, расположенных рядом с юртой. Грудных детей и тех, кто еще не начал ходить по земле, заворачивали в бересту или зашивали в войлок и хоронили на деревьях (обычно — лиственнице), в гротах гор, в насыпях древних курганов. Покойного из дома выносили в полуденное время, когда солнце поворачивает на запад. Хакасы в начале XIX в. и тувинцы еще в XX в. покойного выносили через разобранную решетку юрты.

Во время похорон хакасы и тувинцы прощались с покойным, прислоняясь своей печенью к печени умершего человека. Данный обряд *баарынга дээп алыр* связан с представлением, что покойник переселяется в мир мертвых, где «продолжает» вести хозяйство. При возвращении с кладбища нельзя оглядываться назад, ибо душа покойника следует сзади по пятам и укоротит век глядящего. Тувинцы по возвращению с похорон совершали омовение рук специально приготовленной водой *хымыра ан* - смесью воды, молока и можжевельника. Смысл этого ритуала заключался в очищении от скверны и начисти.

Третий параграф «Поминальные обряды». Тувинцы и хакасы поминки обозначают следующими словами: *ибириг*- магический обход могилы и *сактыышкын дою*- праздник воспоминания. В течение года хакасы поминали умершего четыре раза: на седьмой, сороковой, сотый дни (ныне – полгода) и на годовщину, а тувинцы совершали только

двое поминок: на седьмой и сорок девятый день со дня смерти. Детям, умершим до трех лет, поминки не справлялись. Только на седьмой день приходили на детское кладбище и лили молоко в изголовье могилы. С трех лет, ребенку сжигали на костре пищу, отправляя ее в потусторонний мир, а поминки отмечали до 40 дня.

Возникновение дней поминок хакасы связывают с почитаемой птицей фламинго. В древние времена, якобы, хакасский охотник убил одну птицу из супружеской пары. Живой фламинго до трех дней кружила над местом гибели своего спутника, а затем прилетала сюда на седьмой, сороковой и сотый день и через год после смерти. С тех пор у хакасов повелся такой счет поминальным дням. Подобное представление существует у тувинцев в отношении журавля. Журавли – это парные птицы и их нельзя разлучать. Согласно суеверным представлениям, журавли (тув. *дуруяа*, хак. *турна*), имели невидимую связь с душами умерших людей.

Первые поминки совершают на седьмой день. Вечером шестого дня в юрте семьи умершего собирались родственники и соседи со своими продуктами и вином. Принесенную провизию складывали на столе для покойного. Перед закатом солнца кормили умершего, сжигая в огне очага три чашки с едой. Утром седьмого дня все отправлялись на кладбище. На кладбище в изголовье могилы раскладывали поминальный костер, где жгли пищу для кормления души *сунезин*. Обязательно смотрят золу от поминального костра: если находят следы птицы, это хороший признак. Если след человека, это плохо, ибо покойник желает чьей-либо смерти. Если след животного, то надо сделать жертву. Самым знаменательным днем поминок считается сороковой (*хырыгы*), когда душа покойного представала перед судом загробного мира. На кладбище сжигали мешочек с «вечной» провизией, который называется *улуг ханчых*, якобы душа – *суне* осознает свою смерть. Тувинцы сжигали мешочек на 49 день. Третьи поминки совершали на сотый день. Последние поминки совершались через год.

Среди тувинцев и хакасов существует представление о черной части души, которая остаётся на месте смерти человека. По-хакасски она носит

название *харан*, а по-тувински *бора сунезин* - серая душа. Если ее не изгнать, она будет приносить несчастья оставшимся членам семьи.

В заключение обобщены итоги исследования и сформулированы основные выводы диссертационной работы.

Как показало предпринятое диссертационное исследование традиционных верований тувинцев и хакасов, в их культуре вплоть до настоящего времени сохранились архаические черты, восходящие к патриархально – родовым отношениям. Однако лишь в последнее время эти элементы становятся объектом специальных научных исследований. Часть обрядов и обычаев тувинцев и хакасов отражают охотничий образ жизни, часть - скотоводческий.

Согласно полученным результатам, у тувинцев и хакасов бытуют общие анимистические представления о духах-хозяевах отдельных природных объектов – гор, озер, рек. В почитании местных духов отчетливо прослеживается то, что они в прошлом носили семейный и родовой характер. Данный древний обычай отражал родовую собственность на различные земли (кочевья и пастбища, промысловые угодья), бытовавшую в прошлом и местами, сохранившуюся до наших дней. Для почитания горных духов-хозяев существовал обычай, запрещающий в тайге называть вещи своими именами. У тувинцев определенного наименования обычая не зафиксировано, но аналогичный запрет имел место. Промысловые культы тувинцев и хакасов представляют комплекс обрядов, направленных на обеспечение успеха охоты. Традиционным было представление о духе-хозяине всех зверей и тайги, от которого зависит удача в охоте. Промысловые обряды совершались самими охотниками перед промыслом или после него.

С представлением о том, что духи имеют материальную природу, хотя и более тонкую, чем тела физического мира, связан обычай их кормления. Духам-хозяевам отдельных мест тувинцы и сегодня приносят в жертву ленточку из ткани, повязывая их на шесты *оваа* или ритуальные деревья.

Древние оросительные каналы у тувинцев называются *буга суу*, а у хакасов - *пуга чолы*, и анализ полевых материалов позволил сделать вывод, что с этим названием связано существование общего для тувинцев и хакасов

представления о духе-хозяине воды, предстающего в образе сивого быка – *кель-буга*. Особым почитанием у тувинцев, в отличие от хакасов, пользовались духи-хозяева целебных источников *аржаанов* и выздоровление воспринималось как дар духа-хозяина источника.

Согласно диссертационным выводам в традиционных верованиях тувинцев и хакасов отчетливо прослеживается наделение сверхъестественными свойствами кустарников и деревьев. В традиционном сознании дерево выступало защитником всего живого. Общим для обоих народов был обряд окуривания жилища можжевельником для изгнания злых духов, который называется общим термином *артыш*. Всеобщим почитанием пользовалась береза, а затем у тувинцев - почитались лиственница и уродливые деревья.

У тувинцев и хакасов с родовым культом слились пережитки тотемизма. Оба народа сохранили обряды и обычаи, которые основываются на вере людей в родство с некоторыми видами животных и птиц. Центральная идея тотемизма – идея группового родства с лебедью и медведем. У хакасов почитаемые птицы – лебедь, орел, фламинго; у тувинцев – орел, гагара, кукушка и лебедь. У тувинцев рода *куу* (букв. лебедь) интересным был обычай дарить убитого лебедя для сватания невесты. Происхождение медвежьего культа *адыг тойы* у тувинцев и хакасов связано с особым отношением к животному - наделение его человеческими качествами. Следует отметить, что различным частям тела медведя тувинцы и хакасы придавали магические свойства.

Особо следует отметить общий обычай *уча*, по-новому освященный нами в результате этнографических экспедиций. Он возник в среде охотников и берет начало от таежных промыслов, ибо в тайге вступал в силу уравнительный закон, восходящий к нормам коллективного производства и потребления родового строя. В зависимости от дальнейших социальных условий обычай видоизменился, а с течением времени где-то им стали пользоваться лишь в определенных случаях, а где-то (как в Хакасии) он полностью исчез и сохранился только в фольклорных произведениях.

В комплекс традиционных верований тюрков Саянского нагорья входят семейно-бытовые обряды. В представлениях о рождении и смерти переплетаются архаические элементы с верованиями более позднего

происхождения. В родильных и погребальных обрядах использовали магические приемы. До сих пор у тувинцев бытует в традиционном виде обычай сохранения пуповины ребенка в особом мешочке.

К чисто традиционным верованиям относится почитание родового, особенно семейного очага. Сам огонь олицетворяется в женском образе *От-ине* у тувинцев и *богиня Умай* у хакасов. Кроме этого у хакасов *Умай ине* является богиней-покровительницей детей.

Фетишизм тувинцев и хакасов представляет единую систему, с общими функциональными, конструктивными и именными особенностями. В Туве, как и Хакасии, самым важным фетишем являлся белый (*ак ээрен-тес*) или заячий идол (*кодан ээрен-тес*). По тувинским представлениям *ак ээрен* относится к фетишам хакасского происхождения. Первоначально *ах тес* являлся родовым фетишем хакасского рода «бурут», а затем через брачные контакты распространился среди всех хакасских этнических групп и тувинцев.

Проведенный в диссертационной работе анализ показывает устойчивость в традиционных верованиях тувинцев и хакасов представления о влиянии духов на жизнь скотоводов. В зависимости от локализации и области «действия», их можно условно разделить на группы: 1) духи-хозяева природных объектов и явлений, покровительствующие в промыслах; 2) духи тотемных животных и птиц, с которыми людей связывает родство; 3) злые духи из подземного мира, обитающие на земле и приносящие вред людям; 4) семейно-родовые духи, покровительствующие охоте, домашнему хозяйству и способствующие излечению от многих болезней. По внешнему виду они представляли собой зооморфные и антропоморфные существа.

Итак, обряды хозяйственно-промысловой деятельности, связанные с окружающей природой, и обряды жизненного цикла, связанные с рождением и смертью человека, несколько видоизменились, но в целом до сих пор сохранили традиционную основу. Особую устойчивость в традиционных верованиях тувинцев и хакасов сохранили обряды, связанные с поклонением природным объектам и явлениям. Тотемистические верования встречаются в виде пережитков, т.е. от тотемизма осталась главным образом его внешняя форма – названия рода *Куулар* или культ промысловых хозяев *даг ээзи* уже не

связан с родовой организацией. С другой стороны, некоторые обычаи и обряды, такие как «уча» и семейно-родовые обереги полностью ушли из жизни.

В диссертационной работе в научный оборот вводятся новые полевые материалы, собранные нами в этнографических экспедициях, такие как ранее неизвестные общие у тувинцев и хакасов обычаи и обряды - *уча, кызыл дустаар* и представление о духе-хозяине воды *кель-буга*.

Историко-культурное наследие указанных народов имеет как общие пласты, так и особенные черты, что объективно объясняется разными социокультурными условиями проживания. Распад СССР способствовал росту национального самосознания. Сегодня усилиями местной интеллигенции возрождены многие обычаи и обряды. Можно сказать, что тувинцы и хакасы сумели сохранить традиционные верования, которые требуют дальнейших полевых исследований и теоретического осмысления.

В приложениях даны список информаторов, копии рисунков и таблицы.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования отражены в публикациях автора, обсуждались на заседаниях кафедры археологии, этнографии и исторического краеведения ХГУ им. Н. Ф. Катанова, кафедры правоведения ТывГУ. Результаты диссертационного исследования привлечены в качестве докладов на региональной археолого-этнографической конференции «Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии» (Новосибирск, 2000); круглом столе по проблемам этнографии тувинцев в Институте изучения стран Азии и Африки (2001 г. в Берлине по обмену опытом по научной работе студентов и преподавателей); на ежегодной научно-практической конференции студентов, преподавателей и аспирантов ХГУ им. Н. Ф. Катанова «Катановские чтения» в 2000 - 2004 гг.; на ежегодной научно-практической конференции преподавателей и аспирантов ТывГУ (Кызыл, 2002 - 2005); на международной конференции «Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий» (Абакан, 2004).

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Монгуш Ч.В. Враждебные силы земной сферы по религиозным представлениям тувинцев // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Материалы региональной археолого-этнографической конференции. Том II. Новосибирск: НГУ, 2000.– С.91–93.
2. Монгуш Ч.В. Представление Саянских тюрков о духах-хозяевах озер «кёль-ээзи» //Социально-экономические проблемы развития Саяно-Алтая. Приложение к «Вестнику КрасГАУ». Сборник научных трудов. Красноярск, 2004. С.41-43.
3. Бутанаев В.Я. Монгуш Ч.В. «Уча» - обычай престижного распределения добычи у Саянских тюрков // Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий. Абакан, 2005. С.104-113.
4. Монгуш Ч.В. Огненная защита дома по ранним формам религиозных верований тувинцев и хакасов// Научные труды Тувинского государственного университета. Материалы ежегодной научно-практической конференции. Вып. II. Кызыл: ТывГУ, 2005. – С. 41 – 43.